

П. А. Искендеров

**БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 Г.
И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ БАЛКАН**

Статья посвящена истории заключения Берлинского трактата 1878 г. и его военно-политическим последствиям для Балкан. Основное внимание уделено развитию ситуации в зонах региональных конфликтов. В центре внимания автора также находятся политика и интересы России.

Ключевые слова: Россия, Берлинский конгресс 1878 г., Балканы, великие державы, конфликтология, межнациональные отношения.

P. A. Iskenderov

**BERLIN CONGRESS 1878
AND ITS POLITICAL IMPLICATIONS TO
THE BALKANS**

The article is devoted to the Treaty of Berlin of 1878 and its aftermaths for the Balkans. The author pays particular attention to the situation in the conflict zones of the region. The Russia's politics and interests are also under consideration.

Keywords: Russia, Congress of Berlin of 1878, Balkans, Great Powers, conflictology, interethnic relations.

Берлинский конгресс 1878 г. относится к числу таких исторических событий, значимость которых с течением времени только возрастает. Ни две опустошительные общеевропейские войны, ни последующий период кардинальных общественно-формационных изменений в Восточной Европе не сняли с повестки дня те вопросы, которые обсуждали летом 1878 года умудренные опытом ведущие европейские дипломаты. Необходимость и возможность утверждения и сохранения на Балканском полуострове принципа «статус-кво», создание системы территориальных и военно-политических сдержек и противовесов, раздел региона на сферы влияния, механизмы функционирования региональной инфраструктуры, обеспечение прав этнических и конфессиональных меньшинств – все эти вопросы не утратили своей актуальности и сегодня. А нынешние балканские конфликты – продолжающие существовать на уровне межгосударственных и внутригосударственных противоречий – в значительной мере берут свое начало в базовых принципах и конкретных решениях, заявленных в 1878 г. и зафиксированных в Берлинском трактате.

Какую же роль в балканских делах сыграл проходивший с 13 июня по 13 июля 1878 г. Берлинский конгресс? На

этот счет в историографии существуют подчас диаметрально противоположные оценки. Российский историк В. Н. Виноградов считает, что именно в результате работы Берлинского конгресса и подписания 13 июля итогового трактата на Балканах «рухнула доктрина статус-кво, препятствовавшая развитию полуострова, подкреплявшая османскую власть в регионе»¹.

С другой стороны, вряд ли будет преувеличением сказать, что на смену прежнему «статус-кво» пришло новое состояние аналогичного характера – предусматривавшее максимально длительное сохранение в неизменности принципов, выработанных в Берлине. И вряд ли стоит удивляться тому обстоятельству, что главным хранителем нового «статус-кво» на Балканах выступила Германия – исходя, в первую очередь, из финансово-экономических соображений. К 1912 г. эта страна «оттеснила на второй план все остальные европейские державы (кроме Англии) в области торговли и в сфере капиталовложений в местную промышленность», а «наиболее прочно Германия чувствовала себя в Болгарии, Румынии и в европейских владениях Турции». «Чтобы укрепить эти позиции, Берлин придерживался в балканской политике принципа статус-кво. Германию устраивала сложившаяся ситуация на балканском рынке, обеспечивавшая ее интересы. Экономическое превосходство германского империализма должно было, по замыслам немецкого правительства, способствовать установлению и

---

¹ Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 160.

политической гегемонии Германии на Балканах», – обоснованно отметил в этой связи российский исследователь Ю. А. Писарев².

Британская исследовательница М. Виккерс подчеркивает и, очевидно, даже преувеличивает влияние решений Берлинского конгресса на пересмотр внешнеполитических приоритетов России. По ее мнению, «Берлинский конгресс более или менее заглушил амбиции России на Балканах. И она была вынуждена с этого времени переключить свое внимание на восточное направление, где вскоре вступила в конфликт с молодой японской державой»³.

К. Шиндлер в своей статье на такую, казалось бы, весьма далекую от Берлинского конгресса и Балкан тему, как политическая история Израиля 1990-х годов прямо призывает использовать опыт Берлинского конгресса для решения современной палестинской проблемы. «Почему великие державы, передавшие, согласно Берлинскому договору от 1878 г., Болгарию болгарам и Сербию сербам, не могут вернуть Палестину евреям?» – задается он спорным, но базирующемся на исторических аналогиях вопросом⁴.

Хватает в историографии и противоположных оценок. Так, французский историк А. Мале полагает, что, «вернув Македонию под владычество султана, Европа по наущению

---

² Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 14–15.

³ Vickers M. The Albanians. A Modern History. London – New York, 1995. P. 33.

⁴ Shindler C. Likud and the Christian Dispensationalists: A Symbolic Relationship // Israel Studies. Vol. 5. 2000. P. 158.

Англии и Австрии вопиющим образом нарушила требования гуманности»⁵. Однако подобные констатации, насколько могут быть по-человечески понятными, настолько же и бессмысленны, когда речь идет о вопросах геополитики.

Говоря о Берлинском конгрессе как, по сути, первом опыте балканского миротворчества, необходимо отметить масштабную подготовительную работу, которую провели практически все его участники из состава «концерта великих держав» – и которой подчас так не хватает сегодняшним форумам. Сам Берлинский трактат стал верхушкой айсберга, в основе которого находились скрытые от постороннего взгляда торги, согласования и взаимные уступки. По инициативе председательствовавшего на Конгрессе германского канцлера О. Бисмарка, участники форума всячески избегали дискуссий на открытых заседаниях. Как только по тому или иному вопросу намечались противоречия – он снимался с обсуждения и переносился на уровень частных переговоров заинтересованных сторон. И лишь после достижения согласия он вновь ставился на открытое обсуждение «для официальной формулировки решения»⁶.

Более того, как справедливо подчеркивает американский исследователь в области международных отношений С. Фей, «почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных переговоров; таким образом, конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился

---

⁵ История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Том 7. М., 1939. С. 448.

⁶ История дипломатии. Том второй. М., 1945. С. 48.

Бисмарк, чрезвычайно старавшийся удовлетворить интересы как Австрии, так и России»⁷.

Последняя мысль, правда, представляется не столь очевидной – принимая во внимание характер принятых в итоге решений и наступивший затем кризис в российско-германских отношениях.

Впрочем, «сан-стефанская» Болгария, способная стать региональным тяжеловесом, не отвечала интересам не только Англии и Австро-Венгрии, но и балканских столиц. И в Афинах, и в Бухаресте, и в Белграде также негативно отнеслись к условиям Сан-Стефанского прелиминарного договора. А следовательно, настаивая на полной реализации Сан-Стефанского соглашения, Россия рисковала остаться с одним (пусть и мощным) союзником, и одновременно обрести на Балканах враждебный блок в лице Сербии, Румынии и Греции. Тот же самый блок, который спустя 35 лет поставит Болгарию на грань военной катастрофы в дни второй Балканской войны 1913 г.

Берлинский конгресс явил собой международный форум, всего лишь засвидетельствовавший предварительно проделанную его участниками гигантскую подготовительную работу. Каждая из великих держав готовилась по-своему. Но все придавали одинаково большое значение предстоящим решениям, выходявшим далеко за рамки собственно Балканского полуострова. Преддверие Берлинского конгресса – это не только дипломатические контакты, меморандумы и требования. Это еще и срочные меры военно-политического характера, как, например, вотирование

---

⁷ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. I. М., 1934. С. 55.

австрийской и венгерской парламентскими делегациями кредита на пополнение запасов вооружений. И послание английской королевы к очередной сессии национального парламента, из которого следовал вывод о грядущей мобилизации резервистов. И приведение в боевую готовность румынской армии. И активные закупки Россией в США судов с прицелом на возможное начало общеевропейской военной кампании. Н. П. Игнатъев уже летом 1877 г. обсуждал данный вопрос напрямую с британским военным агентом Уэлсли. Российский дипломат предупредил, что война с Россией станет губительной для Англии, поскольку соединенный русско-американский флот парализует английскую торговлю и отрежет метрополию от ее колоний, породив тем самым социально-экономический и политический кризис в самой Англии, которая останется без сырьевых ресурсов. Разумеется, подобный вывод был определенным преувеличением, однако в качестве одного из «факторов сдерживания», безусловно, имел право на существование⁸.

Это, наконец, и многие другие элементы, содержавшие в себе одновременно военно-прикладные и сугубо демонстративные аспекты⁹.

Что же касается «чистой дипломатии», то непосредственной предтечей Берлинского трактата можно считать особый русско-английский меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 г. Именно данный документ формально закрепил пересмотр самого спорного положения

---

⁸ Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 255–256.

⁹ История XIX века. С. 444.

Сан-Стефанского договора о расширенных границах Болгарского княжества. В обмен на это, а также на отказ от ряда территориальных завоеваний на кавказском фронте Россия заручилась поддержкой со стороны Англии других положений Сан-Стефана. Конечным результатом сложной игры британской дипломатии стало приобретение Англией права занять стратегически важный остров Кипр – что предусматривалось тайным договором Лондона с Османской империей от 4 июня 1878 г. Данный документ содержал положение о британском содействии Порте в защите ее владений на Кавказе, но при этом признавал передачу России Батума, Ардагана и Карса. Подписанное же 6 июня Англией и Австро-Венгрией соглашение о совместной политической линии на предстоящем Берлинском конгрессе фактически стало завершающим документом, предопределившим решения, принятые в столице Германии. Обе державы договорились не допустить расширения болгарской территории к югу от Балканского хребта. Кроме того, Австро-Венгрия заручилась британской поддержкой своих планов оккупации Боснии и Герцеговины.

Пожалуй, единственный момент, когда ход заседаний Берлинского конгресса мог серьезно отклониться от заранее распisanного сценария, был связан с демаршем английского делегата Б. Дизраэли (лорд Биконсфилд), который пригрозил 20 июня покинуть форум. Поводом послужили британские журналисты, обнародовавшие содержание секретного русско-английского меморандума от 30 мая, но при этом не знавшие о существовании англо-турецкой Кипр-

ской конвенции от 4 июня. В результате британское общественное мнение обвинило Дизраэли в излишней уступчивости по отношению к России – что и спровоцировало всплеск его активности в Берлине, в частности – по вопросу о статусе Восточной Румелии, судьбах Софийского санджака и сроках пребывания в Болгарии русских войск. В результате компромисс был достигнут на основе передачи Софийского санджака Болгарии при одновременном предоставлении Порте права вводить войска в Восточную Румелию. Что же касается продолжительности русского военного присутствия в Болгарии, то оно было установлено на девять месяцев – в отличие от полугодового срока, предусмотренного англо-австрийским соглашением от 6 июня 1878 г.¹⁰

Не допустить появления на Балканах региональной сверхдержавы – именно этот принцип стал ключевым для подавляющего большинства участников Берлинского конгресса. И данную задачу Конгресс выполнил. Более того, даже после второй Балканской войны 1913 года те же великие державы попытались умерить чрезмерные аппетиты победивших Болгарию балканских союзников, отдавая себе отчет в том, что миру и стабильности на Балканах противопоставлены как чрезмерно усилившиеся, так и униженные страны, и народы. Последующая роль Болгарии в Первой мировой войне лишь подтвердила этот тезис.

Далее, именно Берлинский договор, предусматривший создание на Балканах целого ряда национальных независимых государств, стал фактически первым документом

---

¹⁰ История дипломатии. Том второй. С. 48–49.

во всемирной дипломатической истории, прописавшим международно-правовое обеспечение прав национальных меньшинств. Говоря словами Д. Филпотта, защита меньшинств наконец стала нормальным условием, возложенным на новые государства¹¹. В Болгарии, Восточной Румелии, Румынии, Сербии, Черногории, а также на всех территориях Османской империи провозглашалась полная свобода совести, все граждане вне зависимости от вероисповедания получали гражданские и политические права. Таким образом религиозное, гражданское и политическое равноправие было впервые документально закреплено как универсальные ценности для Балкан вне зависимости от государственной принадлежности тех или иных областей. А статья 44 Берлинского трактата, обязывавшая Румынию обеспечить равные права проживавшим на ее территории евреям, прямо касалась «еврейского вопроса», считавшегося особо актуальным для Балкан.

Следует также сказать, что и слабость, и противоречивость решений Берлинского конгресса, в свою очередь, явились следствием как раз попыток нарисовать на Балканах сбалансированную картину – в том числе в плане определения границ. Балканы – один из классических регионов мира, где границы, нарисованные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти границы очень часто носят условный характер, не учитывая этническую «чересполосицу», сложный процесс

---

¹¹ См.: *Philpott D. Sovereignty: An Introduction and Brief History // Journal of International Affairs. Vol. 48. 1995.*

многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями.

С этой точки зрения Берлинский конгресс стал примером своеобразной искусственной и сознательной «балканизации сверху», когда из одной Болгарии делалось две, их границы искусственно сужались за счет македонских земель, когда на три части оказывался разделенным сербский этнос, когда не были учтены национально-государственные интеграционные устремления албанцев. Ситуация усугублялась исторически присущей Балканскому полуострову сложной этно-конфессиональной ситуацией, одной из ключевых отличительных особенностей которой выступало то обстоятельство, что, говоря словами российского этнографа Ю. В. Ивановой, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»¹².

При этом, создав на Балканах мозаику независимых, автономных, оккупированных и прочих государств, территорий, провинций и областей, державы-«миротворцы» в лучших традициях геополитики позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности «святая святых» –

---

¹² *Иванова Ю. В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. СПб, 1999. С. 24.*

транспортные пути. Главная водная артерия региона – Дунай – объявлялась нейтральной и свободной для судоходства. Проход военных кораблей через черноморские проливы по-прежнему запрещался, и даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко (вольной торговой гавани) и должен был использоваться исключительно торговыми судами.

Теперь балканским странам предстояло направить усилия на хозяйственное освоение обретенных территорий, преодоление финансово-экономических последствий трехлетнего международного кризиса, решение накопившихся политических вопросов и новых межнациональных – то есть заняться тем, что сербы с присущим им красноречием называли «консолидацией военных завоеваний». С этими задачами балканские народы и государства справились лишь отчасти.

Компромиссы, достигнутые между самими великими державами, с одной стороны, позволили урегулировать кровопролитный Великий восточный кризис 1875–1878 гг., вместивший в себя несколько войн, но с другой – сохранили на беспокойной балканской земле старые узлы противоречий и завязали новые: македонский, косовский, добруджанский, боснийский и ряд других.

Особое значение для последующего развития ситуации на Балканах и в Европе в целом имело определение судьбы Боснии и Герцеговины. Решение Берлинского конгресса 1878 г. предоставить Австро-Венгрии право оккупировать эти две провинции Османской империи создало в регионе один из актуальных и сегодня узлов межэтнических и

межгосударственных конфликтов. Соответствующие нормы были прописаны в XXV статье Берлинского трактата: «Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией. Австро-венгерское правительство, не желая принять на себя управление Новибазарским (Новопазарским. – *П. И.*) санджаком, простирающимся между Сербией и Черногорией, по направлению на юго-восток за Митровицу, оттоманское управление останется в нем в действии по-прежнему. Но для того, чтобы обеспечить существование нового политического строя, а также свободу и безопасность путей сообщения, Австро-Венгрия предоставляет себе право содержать гарнизоны, а также иметь дороги военные и торговые на всем протяжении этой части прежнего боснийского вилайета»¹³.

Данное положение проложило путь к укреплению позиций Австро-Венгрии на Балканах и одновременно стало катализатором переориентации внешнеполитических приоритетов Сербии и Черногории. В том, что касается Сербии, оккупация Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии стала водоразделом в косовской политике Белграда, поставив воссоединение этих территорий во главу угла его внешнеполитического курса. На международном уровне такой поворот был закреплен 28 июня 1881 г. секретным политическим договором с Австро-Венгрией. Через этот документ Сербия заручилась поддержкой своих планов террито-

---

¹³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 193.

риального расширения в южном направлении («в направлении долины Вардара»¹⁴ – что охватывало как Косово, так и Македонию) взамен от своего отказа от претензий на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Первым конкретным шагом на пути реализации нового плана стало открытие в 1889 г. ряда сербских консульств в европейских областях Османской империи – приуроченное к 500-летию битвы на Косовом Поле. Особая роль среди этих дипломатических представительств отводилась консульству в Приштине¹⁵.

Далеко идущие планы в сфере собственного территориального расширения в привязке к решениям Берлинского конгресса по Боснии и Герцеговине все более активно разрабатывало руководство Черногории, в первую очередь – князь (а с 1910 г. – король) Никола. По его указанию была разработана программа действий, рассчитанная на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом Н. М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории» и не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на

---

¹⁴ *Petrovich M. B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. New York and London, 1976. P. 273.

¹⁵ *Перуничич Б.* Писма српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985. С. 14.

Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и старой Сербии за потерю надежд на восприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»¹⁶.

Еще большую неудовлетворенность решения Берлинского конгресса вызвали в среде набиравшего силу албанского национального движения. Уже 10 июня 1878 г. – за три дня до открытия Берлинского конгресса – в косовском городе Призрен с участием 80 делегатов состоялось первое заседание всеалбанского учредительного собрания Албанской лиги (получившей в связи с этим свое второе название – Призренская)¹⁷. Среди собравшихся в Призрене делегатов преобладали крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и представители мусульманского духовенства не только из Косово и Албании, но и Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Новопазарского санджака, а также турецкие чиновники. Они приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную «Карарнаме» («Книга решений»)¹⁸. Программа имела достаточно умеренный характер и включала в себя такие основные положения, как «безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану», «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий», «объединение всех населенных албанцами территорий (Косовский, Битольский, Янинский и Скутарийский, или Шко-

---

¹⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.

¹⁷ *Castellan G. L'Albanie*. Paris, 1980. P. 10.

¹⁸ *Reuter J. Die Albaner in Jugoslawien*. München, 1982. S. 18.

дринский, вилайеты. – П. И.) в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором», «придание албанскому языку официального статуса» и «введение национальной армии под командованием турецкого офицера»¹⁹. «Наша главная цель – сохранение царских прав неприкосновенного его величества султана, нашего господина, – говорилось в одном из пунктов программы. – Поэтому все те, кто этому противится и мешают миру, те, кто стремится ослабить авторитет власти, те, кто этому помогает, будут рассматриваться как враги нации и родины, и если не изменят свое мнение, и если они будут нападать на лояльных граждан царства, будут изгнаны из нашей страны»²⁰.

В программе подчеркивалось негативное отношение албанцев к планам территориальных приращений соседних албанских государств за их счет: «Имея перед глазами балканскую землю, мы не позволим ни за что, чтобы иностранные войска топтали нашу землю. Болгарскому правительству мы не признаем даже имя. Если Сербия мирным путем не уйдет с бесправно занятых территорий, то мы пошлем против нее башибузуков (хакинджилеров), и будем стараться до конца занять те территории, и в том же ключе будем действовать против Черногории»²¹. Программа предусматривала и возможное территориальное расширение Лиги за пределы первоначально обозначенных районов:

---

¹⁹ Reuter J. Die Albaner in Jugoslawien. S. 18

²⁰ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том первый (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 40.

²¹ Там же.

«Представители других краев (земель), которые хотят присоединиться к Лиге, будут охотно приняты, и мы их внесем в список Лиги как друзей власти и страны»²². Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения²³.

Одновременно делегаты направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»²⁴. В Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери. Кроме того в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей и

---

²² Албанский фактор в развитии кризиса ... С. 40.

²³ *Vickers M.* The Albanians. P. 33.

²⁴ *Skendi S.* The Albanian National Awakening. 1978–1912. Princeton, 1967. P. 45.

даже добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации (непосредственная фраза – «албанская нация не существует» – принадлежала председателю Конгресса германскому канцлеру О. Бисмарку²⁵) и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия.

И хотя решение Берлинского конгресса о сокращении территории Болгарии, предусмотренной Сан-Стефанским прелиминарным договором, объективно было позитивным для Албании (тем самым район города Корча оставался в составе Османской империи), – документы, подписанные в германской столице, предполагали передачу Черногории, помимо Бара и Подгорицы, двух городов со смешанным албано-славянским населением – Плава и Гусинье, а Греции – значительной части Эпира, в том числе и районов с преобладающим албанским населением. По сути, вследствие действий великих держав «Албании пришлось значительно урезать свою территорию в пользу соседей»²⁶.

Афинский корреспондент лондонской газеты «Таймс» сообщал о том значении, которое греческое руководство придавало «албанскому направлению» своей внешней политики, рассматривая присоединение города Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании²⁷.

---

²⁵ *Castellan G.* L'Albanie. P. 10.

²⁶ *Искендеров П. А.* Призренская лига 1878–1881 гг. // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 7.

²⁷ *Vickers M.* The Albanians. P. 38.

Соответствующие карты широко распространялись как в самой Греции, так и в других европейских странах²⁸. Впрочем, аналогичные великодержавные программы разрабатывались и в других столицах региона. Более того, «концепция “великой страны”, занимавшая постепенно господствующее положение во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником – Османской империей»²⁹.

Весной 1879 г. Призренская лига впервые активно повлияла на международную ситуацию. В городе Превеза 6 февраля 1879 г. начались греко-турецкие переговоры по вопросу территориального разграничения между двумя странами. Положение об их проведении было прописано в решениях Берлинского конгресса, предусматривавших передачу Греции Турцией Фессалии и значительной части Эпира, включая населенную албанцами область Чамерию. Эти планы встретили противодействие со стороны Албанской лиги, которая на заседании в январе 1878 г. в Превезе постановила провести всеобщую мобилизацию и оказать вооруженное сопротивление в случае попыток реализации вышеназванного решения Берлинского конгресса.

---

²⁸ *Peckham R. Sh. Map Mania: Nationalism and the Politics of Place in Greece, 1870–1922 // Political Geography. 2002. Vol. 19. № 1.*

²⁹ *Улуяни А. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX вв. М., 1998. С. 78.*

Руководство Османской империи было хорошо осведомлено о позиции албанцев и использовало это в своих интересах. В марте греко-турецкие переговоры были прерваны по инициативе Константинополя, объяснившего свой шаг опасениями албанского восстания. Руководство Албанской лиги, со своей стороны, решило объяснить великим державам собственный взгляд на проблему греко-турецкого разграничения и, в частности, отказ от передачи Эпира Греции. В конце марта 1879 г. Абдюль Фрашери вместе с еще одним видным деятелем албанского национального движения – Мехметом Али Вриони – посетили, помимо Константинополя, все ведущие европейские столицы, за исключением Санкт-Петербурга, – Рим, Париж, Лондон, Берлин и Вену. Они стремились ознакомить правительства и общественность великих держав (в своем подавляющем большинстве рассматривавших Албанскую лигу как порождение и политический инструмент турецких властей) с национальными интересами и требованиями албанцев³⁰, в сжатом виде изложенными в меморандуме, переданном европейским правительствам. В документе, в частности, говорилось: «Албанцы сохранили свою родину, свой язык и свои нравы, отразив в варварские времена нападения римлян, византийцев и венецианцев. Как можно допустить, чтобы

---

³⁰ В ходе этой поездки албанские делегаты имели беседы, в частности, с такими видными политическими деятелями тогдашней Европы, как министры иностранных дел Англии и Франции Р. Солсбери и В. Ваддингтон, а также глава итальянского кабинета А. Депретис.

в век просвещения и цивилизации нация, столь храбрая и столь привязанная к своей земле, была принесена в жертву, отдана без каких-либо законных оснований алчному соседу?»³¹. В своей аргументации и требованиях делегаты Албанской лиги пошли еще дальше и поставили вопрос о принадлежности Албании не только Чамерии, но и всего Эпира, включая города Превеза, Янина и Арта как важные экономические и военно-стратегические центры. К тому времени провинция Эпир включала в себя четыре санджака – Берата, Гирокастры, Янины и Превезы. А район, который албанцы называли «Чамерия» (или «Южная Албания»), греки именовали «Северный Эпир». В качестве одного из аргументов авторы меморандума ссылались на понимаемое весьма «расширитель-но» историческое право: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; известно, что в старину Эпир был одной из составных частей Албании, и никогда греки в какой-либо мере не владели этой страной»³². Впрочем, с географической точки зрения, эта концепция имела право на существование в том плане, что Эпир и Фессалия были обособлены: центр Эпира город Янина отделялся от Фессалийских пределов горным хребтом Пиндус. С этнической же точки зрения ситуация была намного сложнее. Как свидетельствовали посещавшие данные районы европейцы, вся Южная Албания находилась

---

³¹ Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 181–182.

³² Там же. С. 182.

под сильным влиянием Греции, но еще труднее было сказать, является ли Эпир греческим или же Северо-Западная Греция является албанской.

Тем временем изменялось и отношение турецких властей к проблеме реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения с соседними государствами. Испытывая все возрастающее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность Османской империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, правительство султана решило форсировать выполнение наложенных на него обязательств. Это вынуждало Константинополь идти на конфликт с Албанской лигой. В начале декабря 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой с тем, чтобы обеспечить передачу Черногории округа с городами Плав и Гусинье.

Однако решительные действия албанцев, заблокировавших продвижение турецких отрядов, в очередной раз сорвали планы «цивилизованной» Европы и Османской империи. Более того, подчинявшиеся Призренской лиге албанские вооруженные отряды 8–10 января 1880 г. в районе сел Велика и Пепич разгромили черногорские войска, попытавшиеся оккупировать присужденные ей Берлинским конгрессом области.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже

подписанные ими договоренности. 18 апреля 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанских горных округов Хот и Груда к северо-востоку от Шкодера, жители которых исповедовали католицизм. И вновь попытки перекроить политическую карту Балкан без учета исторических и национальных реалий натолкнулись на решительное противодействие «несуществующей» (по мнению Европы) нации, в очередной раз получившей тайное содействие со стороны турецких властей, которые передали албанским отрядам оружие и боеприпасы и позволили им занять оборонительные позиции турецкой армии. Так произошло, в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежащем передаче Черногории. Турецкие власти 22 апреля 1880 г. разрешили албанским отрядам занять этот стратегически важный пункт до подхода черногорских войск, оставив им оружие и боеприпасы, включая пушки. Организацию обороны Тузи взяли на себя Шкодринский комитет Призренской лиги, а также руководство племенного военно-политического союза Горной Малесии, в состав которого входили Хот и Груда. К маю общая численность оборонявших район Тузи албанских отрядов достигла 12 000 человек – включая отряды албанского племени мирдитов во главе с Пренком Биб Додой, будущим министром в правительстве князя Албании Вильгельма Вида «образца» 1914 года.

В сложившейся ситуации в июне 1880 г. Великобритания и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» «окончательно» пересмотреть свое же предыдущее «окончательное» решение. Теперь разменной картой в большой европейской политике был населенный преимущественно албанскими мусульманами стратегический портовый город Улцинь (Дульциньо) вместе с прилегающей к нему территорией, а исполнителями стали турецкие войска под командованием Дервиш-паши. А чтобы турецкое правительство на сей раз не помышляло о «двойной игре», великие державы пригрозили ему оккупацией важнейшего порта Смирна (Измир).

В результате штурма Улциня, осуществленного значительно превосходящими по численности турецкими силами 22 ноября 1880 г., сопротивление защищавшего город по распоряжению Шкодринского комитета Призренской лиги вооруженного албанского отряда под командованием Юсуф-аги Соколы было подавлено. 23 ноября в город вошли турецкие войска, а 26 ноября в него были беспрепятственно пропущены черногорские силы. За период 1878–1880 гг. – то есть уже после завершения работы Берлинского конгресса – территория Черногории в общей сложности увеличилась вдвое, она получила стратегически важные выходы на Адриатическое море через портовые города Бар и Улцинь, и в целом Черногория использовала ситуацию,

возникшую «вследствие ослабления объятий Оттоманской империи на Балканах»³³.

Убедившись в решимости албанцев отстаивать свои интересы, правительство Османской империи еще до силового решения вопроса об Улцине заняло более жесткую позицию и в вопросе о греко-турецком разграничении. Оно отклонило коллективную ноту, подготовленную состоявшейся в июне 1880 г. в Берлине конференцией послов великих держав и включавшую подтверждение положения Берлинского трактата о передаче Греции Фессалии и Северного Эпира. Основными поборниками интересов Афин на данной конференции стали Великобритания и Франция, предложившие «провести новую греческую границу от горного массива Олимп на востоке до реки Каламас на западе с включением в состав ее новых владений города Янина»³⁴. В своей ответной ноте 26 июля Константинополь указал, что изменение государственной юрисдикции областей, населенных албанцами (в том числе Чамерии и Янины), неминуемо вызовет серьезные внутривосточные осложнения в Османской империи. Это привело к резкому обострению отношений между Турцией и Грецией, вновь оказавшихся на грани войны: греческая армия даже провела мобилизацию.

---

³³ *Morrison K.* Montenegro. A Modern History. London – New York, 2009. P. 28.

³⁴ *Удунья А. А.* Политическая история современной Греции. С. 78–79.

Тем не менее, хотя Берлинская конференция оказалась для Греции более удачной, чем конгресс 1878 г., греко-турецкое разграничение вновь зашло в тупик. Негативную роль для Афин сыграло изменение внутривосточной ситуации во Франции и рост противоречий между Парижем и Лондоном³⁵. Однако напуганная ростом албано-турецких противоречий и все более активной деятельностью Призренской лиги Высокая Порта вскоре по собственной инициативе согласилась на передачу Греции всей Фессалийской области, а не только ее южных областей (как предполагалось ранее), в обмен на сохранение в своем составе большей части Эпира (исключая округ Арта). Что и было озвучено турецкой делегацией на состоявшейся в марте 1881 г. конференции послов великих держав в Константинополе, посвященной вопросам греко-турецкого разграничения. Как сообщал в Форин-офис британский посол в Османской империи Дж. Гошен, «турки согласились на уступку Фессалии (которую Греции ранее так и не удалось взять под военный контроль.. И.) с целью сохранить Эпир и покончить с албанским вопросом, который, как я неоднократно сообщал, беспокоит их больше, чем какое-либо давление со стороны шести держав»³⁶. Правда, несмотря на все свои усилия, британской дипломатии, не удалось заставить Османскую империю передать Греции Превезу.

---

³⁵ Улуян А. А. Политическая история современной Греции. С. 79.

³⁶ Цит. по: Краткая история Албании. С. 193.

В конечном итоге греко-турецкая конвенция по территориальным вопросам была подписана сторонами в Константинополе 2 июля 1881 г.

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями албанских повстанцев Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабо организованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел Скопье. В конце апреля десятитысячная турецкая армия под командованием Дервиш-паши взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над остальными районами Косова. На всей территории, населенной албанцами, осуществлялись массовые репрессии против участников национального движения и депутатов Призренской лиги. Лидер ее радикального крыла Абдюль Фрашери был схвачен в районе албанского города Эльбасан и переправлен в Призрен, где был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной тюремным заключением.

Однако Дервиш-паше (остававшемуся со своими войсками в Албании до конца 1881 г.) удалось «умиротворить» лишь население городов и сел, расположенных на равнинной местности. Горные территории по-прежнему оставались вне досягаемости османских правителей. Это выну-

дило некоторых европейских дипломатов все-таки задуматься об иных моделях обустройства албанских земель. В частности, вопрос поднимался британским секретарем по иностранным делам графом Гренвилем в депеше на имя британского посла в Константинополе Дж. Гошена от 2 октября 1880 г. Согласно сообщению Гренвиля, правительство Османской империи уже было проинформировано о том, что ряду районов Северной Албании «может быть гарантирована определенная форма местного самоуправления»³⁷.

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой начало нового этапа в истории албанского национального движения, которое отныне было тесно связано с Косовым. Как справедливо указывает албанский исследователь К. Фрашери, «Албанская лига Призрена в качестве патриотической организации, действовавшей в условиях Восточного кризиса в 1870-е годы, идентифицировала себя с Национальным албанским движением», в связи с чем ее деятельность «развивалась в рамках политической, общественной и культурной триады»³⁸. Комментируя решения, принятые в Берлине, генеральный секретарь Коммунистической партии Албании Э. Ходжа уже после Второй мировой войны отметил, что «Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы

---

³⁷ Chekrezi K. Albania. Past and Present. New York, 1919. P. 55.

³⁸ Frashëri K. Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 419.

Албании и албанского национального меньшинства в Косове... Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их единственный идеал – это слияние с Албанией»³⁹.

Берлинский конгресс одновременно явился отправным моментом для реформатирования всей системы международных отношений в Европе. На смену «концерту великих держав» – последний раз выступившему в германской столице – пришли военно-политические блоки и оборонительные союзы. При этом ведущие европейские державы резко активизировали усилия по привлечению на свою сторону оппонентов и «колеблющихся». В результате период с 1878 по 1914 гг. стал временем не только противостояния Тройственного союза и Антанты, но и гораздо более сложного и многоуровневого взаимодействия и взаимного противодействия входивших в них государств – что перманентно усиливало состояние неопределенности как на Балканах, так и в Европе в целом и в конечном итоге привело к началу Первой мировой войны. Не случайно именно к периоду после Берлинского конгресса активно обращаются при разработке различных концепций в рамках многофакторного анализа, ситуационной логики и корреляционных моделей межгосударственных отношений. История

---

³⁹ Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. М. – Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949–1953. С. 206.

конца XIX – начала XX вв. дает немало подтверждений, в частности, теории британского специалиста в области государства и права, профессора Эссекского университета Д. Сандерса, указывающего на «серьезную опасность применения концепции “сходных условий”, заключающуюся в ложной и искусственной подгонке корреляции». «В процессе межгосударственных сравнительных исследований, – пишет Д. Сандерс, – очень легко предположить, что выведенная эмпирически корреляция между двумя феноменами чаще всего представляет собой небеспричинное совпадение, тогда как в “реальной” ситуации такая корреляция всегда сомнительна. К сожалению, в контексте комплексных межгосударственных исследований стандартные методы статистико-эмпирического тестирования спорных взаимозависимостей (таких как частичная корреляция или множественная регрессия) не всегда применимы. Зачастую идентификацию и измерение какой-то третьей переменной (переменных), которая может разрушить связи между X и Y, осуществить гораздо труднее, чем это кажется»⁴⁰.

Ну и наконец, последняя красноречивая черта Берлинского конгресса. Наибольшие выгоды – в том числе территориальные – извлекли из балканского кризиса две державы, не принимавшие непосредственное участие в собственно военных действиях – Англия и особенно Австро-Венгрия. Монархия Габсбургов смогла утвердиться в двух

---

⁴⁰Сандерс Д. Некоторые методологические соображения о сравнительных межгосударственных исследованиях // Международный журнал социальных наук. 1995. № 9. С. 34.

стратегически важных районах Балкан – Боснии и Герцеговине и Новопазарском санджаке, где получила документальное разрешение держать воинские гарнизоны и сооружать железные дороги и прочие объекты военной и гражданской инфраструктуры. Подобная ситуация не только создала соответствующий тренд в дальнейшем развитии ситуации на Балканском полуострове и в Европе в целом, но и в конечном итоге стала одним из факторов «сползания» Европы в пучину Первой мировой войны.